

Снежная зелень — редкий вид дикорастущей травы, способной расти даже зимой и отличающейся поразительной устойчивостью к холоду. Осенью и зимой её листья краснеют, а под снегом она продолжает тянуться вверх, за что и получила такое название.

Жирную свинину нарезают тонкими ломтиками, слегка обжаривают, после чего аккуратно укладывают в миску кожей вниз. Мясо приправляют жёлтым вином, соевым соусом и солью, сверху накрывают слоем мелко нарубленной снежной зелени. Затем миску ставят на пар, а когда блюдо полностью готово, переворачивают на тарелку — в итоге получается необыкновенно ароматное и вкусное блюдо.

Мяо Ши обладала превосходным кулинарным мастерством и врождённым чутьём к готовке. Помимо обычных приправ, которые использовали в деревне, она пробовала добавлять ломтики имбиря, дикорастущий лук, бадьян и ферментированную соевую пасту. Даже самые простые продукты в её руках неизменно становились вкуснее, чем у других.

Но сейчас весь двор был наполнен густым, соблазнительным запахом мяса, а Мяо Ши находилась в крайнем расстройстве. Из-за шума, который устроила старая госпожа Шэнь, готовка затянулась, и вся вода в котле давно выкипела. К счастью, дров она подложила не слишком много, и когда они прогорели, огонь в очаге сам собой погас, иначе кухня могла бы загореться.

Однако из-за долгого сухого нагрева на глиняном горшке пошла трещина. Как бы бережно ни обращалась с ним Мяо Ши, горшок всё равно раскололся на несколько кусков.

Уходя из дома старика Шэня, они взяли с собой лишь один глиняный горшок — для кипячения воды и варки каши. Его купили за двадцать монет у гончара из деревни Сяхэ, и он прослужил совсем недолго. Сердце Мяо Ши обливалось кровью от такой потери.

Увидев это, гер Цин поспешил утешить её: «Ничего, мама. Мы ведь заработали немного денег, продав свинину, да и у меня есть кое-какие сбережения. Завтра я схожу в город, продам заготовленные дрова, и мы купим железный котёл».

Раньше подобная утрата тяжким грузом легла бы ему на сердце. Какая была бы разница, что Шэнь Чжигао наказали и заставили десять дней толкать жернова? А вот эти двадцать монет были бы самой настоящей, ощутимой потерей. Но, вспомнив о припасах, спрятанных в его комнате, гер Цин понимал: стоит лишь отнести несколько вещей в городскую лавку, и денег хватит с лихвой, чтобы восполнить всё недостающее и даже встретить Новый год как следует.

Но Мяо Ши об этой внезапной удаче не знала. Она знала лишь то, что её сыну приходилось с большим трудом нарубить целую вязанку дров, чтобы заработать сорок монет, и теперь половина этой суммы исчезла в одно мгновение — полдня тяжёлой работы прошли напрасно. Не сдержавшись, она разразилась проклятиями в адрес старой госпожи Шэнь: «Да как она может быть такой злобной? Ей просто невыносимо видеть, что мы хорошо живём! Каждый раз, как видимся с ней, ничего доброго не выходит! Настоящее проклятие!»

«Вот именно! Ругай её побольше! Даже если толку не будет, тебе хоть полегчает, — сказала У Гуйсян, скрестив руки и прислонившись к дверному косяку. — А то раньше ты была слишком тихой, да и гер Цин у тебя таким же вырос — даже толком огрызнуться не умеет».

Она и правда была вне себя. Шэнь Цин был таким способным молодым гером, всегда рассудительным в делах и словах, но стоило дойти до ссоры, как он становился совершенно

беспомощным — мог лишь выхватить нож и изображать свирепость.

Нож, конечно, действовал безотказно, но, если слишком часто размахивать им, это неминуемо испортит репутацию. Иначе почему девятнадцатилетний гер Цин до сих пор был без каких-либо брачных перспектив?

Если уж он не умел защищаться, то виновата в этом была его мать! Перед глазами не было хорошего примера — у кого он мог учиться? У Гуйсян повернулась к геру Цину и сказала: «Тебе бы поучиться у двоюродной тётушки Лянь. Язык у неё острый».

Гер Цин почесал затылок. Раньше он об этом не задумывался. Он не то чтобы прямолинейный, просто ему нужно было время всё обдумать, прежде чем говорить. А если требовалось быстро вступить в перепалку или на ходу придумать оправдание, это и вовсе было для него крайне трудно.

В том, другом мире, общаясь с Сун Кайцзи, он постоянно боялся сказать что-нибудь не то и выдать, что он не из их мира. Поэтому он старался говорить как можно меньше, а порой и вовсе молчал. А если уж открывал рот, то лишь после тщательного обдумывания. К счастью, Сун Кайцзи не относился к тем, кто любит допытываться: если ему не отвечали, он и не настаивал.

Но разве кто-то не хотел бы уметь ловко справляться с любыми ситуациями? Вспоминая, как сегодня У Гуйсян поставила старую госпожу Шэнь на место, гер Цин невольно восхищался и завидовал ей. Ему тоже хотелось быть таким же находчивым и красноречивым.

В этот момент в дом вошла двоюродная тётушка Лянь с деревянным тазом в руках. «Можно сказать, я просто люблю спорить», — усмехнулась она. Половина таза была наполнена холодной водой, она плеснула туда тёплой воды из глиняного кувшина и позвала Мяо Ши: «Сначала умойся. Холодно, да ещё и наплакалась — кожу обветрит».

«Уметь ругаться — не такой уж и порок», — сказала У Гуйсян, прислонившись к столу и наблюдая, как Мяо Ши умывается. Странно было думать: в девичестве ведь именно таких, как Мяо Ши, хвалили и ставили в пример.

Когда У Гуйсян была молодой, её часто ругали за острый язык, говорили, что она не похожа на приличную, послушную девушку и что семье мужа она точно не понравится. От девушек и геров ждали, чтобы они были как Мяо Ши — мягкие, покорные, терпеливые. Чем меньше у тебя было собственного мнения, тем легче, считалось, найти хорошего мужа.

Но, выйдя замуж и прожив столько лет, она поняла правду. Мужчины, которым нравятся покорные и кроткие жёны, на самом деле просто хотят тех, кто не будет сопротивляться даже тогда, когда с ними плохо обращаются. Достаточно было взглянуть на Мяо Ши, образец послушной, добродетельной жены, чтобы понять, к какой жизни это привело.

Лучше быть жёсткой! Но жёсткость портила репутацию и мешала найти хорошего мужа. Задача почти неразрешимая. Разве что... притворяться мягкой лишь на поверхности.

Она не успела углубиться в эти мысли, как густой аромат мяса вновь наполнил воздух и прервал её размышления.

Хотя глиняный горшок треснул, блюдо внутри никак не пострадало. Когда миску перевернули на тарелку, в воздух вырвался неотразимый аромат. Из-за того, что мясо готовили на пару слишком долго, оно стало особенно нежным и насыщенным по вкусу. Лоснящиеся ломтики

свинины, покрытые соусом, лежали слоями поверх снежной зелени, чуть подрагивая, словно дразня аппетит.

Мяо Ши, вымыв лицо и руки, наконец успокоилась, достала из плетёной корзины несколько пышных белых пампушек на пару и сказала: «Ну же, ешьте! Я сегодня выменяла у тётушки свежую пшеничную муку, вот и сделала их. Такие ароматные! Если не хватит, в котле ещё есть».

Сегодня семья двоюродной тётушки Лянь и жена деревенского старосты немало им помогли. Раз уж еда была готова, было вполне нормально пригласить их остаться и поесть. Мужчины уже ушли, а женщины и дети остались.

Дети из семьи двоюродной тётушки Лянь уже сжимали в руках палочки, нетерпеливо дожидаясь начала трапезы. Взрослые тоже принялись за еду. У Гуйсян, которая раньше не испытывала к Мяо Ши особой симпатии, впервые попробовала её еду, и от богатства вкуса она чуть язык не проглотила.

Все они выросли у очага, умели готовить, но почему-то еда Мяо Ши всегда получалась вкуснее!

Когда трапеза подошла к концу, от прежних предубеждений не осталось и следа — их сменяло тёплое чувство близости. «Раньше ты слишком замыкалась в себе, а тебе бы почаще выходить к людям! И настроение поднимется, и для здоровья полезно!»

Мяо Ши опустила голову. «Просто... я не хочу с ними видаться».

«А тебе-то что? Это им должно быть стыдно».

Пока разговоры продолжались, гер Цин, съевший лишь одну пампушку, чтобы не переесть на ночь, извинился и ушёл к себе в комнату.

Он вытащил из-под кровати маленькую корзинку, откинул ткань, и в темноте его глаза блеснули.

<http://bllate.org/book/14994/1354154>